

Евгений Пазухин

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА НОВУЮ ЗЕМЛЮ

/0 повести В.Распутина "Пожар"/

"Огонь испытывает дело каждого"

/1 Кор.3.13/

На первый взгляд, "Пожар" может показаться произведением очерково-документальным, скорее, публицистическим, чем художественным. Но при пристальном вглядывании раскрывается мир таких масштабов, такие высоты и бездны, что становится непонятным, как все это вмещалось в рамки маленькой повести. Думается, что дело здесь прежде всего в удивительной ее архитектонике. Повествование (как в целом, так и в частностях) строится по принципу трехчастной герархической структуры: низший уровень - событийный, средний - символический, высший - религиозно-эсхатологический. Именно наличие этих трех уровней (измерений) создает впечатление объемности и безграничности, создаваемой автором реальности. Это именно реальность, возникающая тогда, когда искусство поднимается до снятия условности собственного языка.

В названии и эпиграфе сразу выявляются главные элементы структуры повествования. Горит и конкретное село (Сосновка) и "село" в смысле всей русской деревни, традиционного уклада общинной, - а значит (в соответствии с концепцией славянефилов, которую, несомненно, разделяет Распутин) и русской жизни в целом. И, наконец, "горят" глубинные основы человеческого бытия: правда, совесть, вера. Главный герой повести, Иван Петрович, воплощает их в себе. И то, что в первых фразах говорится о предощущении им наступающей смерти, свидетельствует о блажкой гибели этих начал. Не следует при этом думать, что Распутин прибегает к аллегории или назойливой метафоричности. В "Пожаре" -

совершенно органический сплав метафоры и реальности, являющийся признаком литературы самого высокого уровня. Именно такую литературу Достоевский называл "реализмом в высшем смысле слова". Причем, чем дальше расположены друг по отношению к другу пожеса (конкретнее - обобщенное, - наименее - высшее), тем значительнее произведение в художественном отношении. Известно, что Достоевский черпал материал для своих романов из газет, отчетов судебных процессов и через них выходил на обобщения глобальной значимости.

Итак, перед нами вполне конкретные люди и события. Но все они существуют одновременно на трех уровнях повествования, так что, на каком бы из этих уровней мы не воспринимали текст, мы способны уяснить и все остальные. Они постоянно и без малейшего насилия перетекают друг в друга. Вот герой лежит в избе, ощущая надвигающуюся кончину:

"Тут и настигли Ивана Петровича крики: "Пожар! Склады горят!" до того было муторно и угарно на душе у Ивана Петровича, что почудилось, будто крики идут из него." Нетрудно заметить, что в этом отрывке "склады" и "душа" выступают в качестве контекстуальных синонимов. И это вполне правомерно. Ведь душа, как и "склад", является вместимцем главного, самого ценнего, тщательно охраняемого и скрываемого от посторонних глаз. И именно она, так же, как и склад, в случае угрозы гибели является главным объектом спасения. Понятие "склад", в его соотнесенности с понятием "душа", также поддается разложению по иерархическим уровням: склад-склад - укладка. По этим уровням легко распределяется душа персонажей. Душа Ивана Петровича соотносится, конечно, с первым элементом этой триады. Поэтому так остро и чувствует он неотвратимое надвижение гибели: "Силы на исходе... край уж и только. Край-открылся, край, дальше некуда." Причем, мы отчетливо понимаем, что речь здесь идет не только о смерти одного человека. Глобальный характер промсходящего подкрепляется и "временной схемой", воспроизводящей основную структурную единицу Шестоднева: "И был вечер,

и было утро: день...” Только в данном случае перед нами – картина “антитворения”, день последний: “Но и в завтрашний день верилось с трудом, – и какое-то недобroe удовольствие чувствовалось в том, что не верилось: пусть бы долго-долго без меры и порядка /т.е. не в нашем, земном измерении – Е.П./ ночь, чтоб одним отдохнуть, другим опамятоваться, третьим пропрэзветь... А там новый свет /“новая земля и новое небо” – Е.П./ и выздоровление. Вот бы хорошо!“.

/Отметим, – что в этом отрывке так же прослеживается типичная для повести трехчастная иерархическая структура/. Нетрудно заметить, что вектор, по которому движется мысль героя (так же, как мы покажем ниже, и все повествование), направлен через смерть – к воскресению.

Таким образом, мы вплотную приблизились к эсхатологическому пласту повести. Распутин пишет о том, что герой “мусолил в себе непонятно чем соединившиеся слова “март” и “смерть”. Было в них что-то общее, кроме евучания. Нет, надо одолеть март, из последних сил превозмочь эту последнюю неделю.” Учитывая контекст, в который включены эти размышления, можно сделать вывод, что речь здесь идет о страстной неделе. Ведь по церковному календарю последняя неделя марта часто совпадает со страстной. “Превозмочь последнюю неделю” – означает пережить страстную, дожить до воскресения, до Пасхи. Так что “март” и “смерть” сопрягаются в отношении смерти Христа. Интересно, что в 1985 году (год написания “Пожара”) Пасха по церковному календарю, как раз приходилась на 1 апреля. Во всяком случае, хотя бы часть марта (и по старому, и по новому стилю) – всегда совпадает с Великим Постом, временем ио-рэлгловной сути эсхатологическим, в которое особенно обостряется ожидание пришествия Христа. “Последняя неделя” марта – аналог апокалиптическим “последним временам”. Не случайно, после этих слов в повести сразу раздается крик: “Пожар!” Огонь – устойчивый символ эсхатологической развязки. Итак, перед нами не только горящие склады, но и души, охваченные огнем последнего испытания: “Перед глазами все смешалось – пожар внутри и пожар настоящий, те и другие огни напливали и кипели

одновременно". Вот так, "напливая" друг на друга, перемешиваясь в совместном "кипении", постоянно становясь друг другом, живет в этом произведении внутреннее и внешнее, высокое и низкое. Вся ткань повести как будто пронизана подвигом и всепроникающим пламенем.

Склады отгорожены глухим забором от поселка и открыты только к Ангаре или "как теперь правильней говорят - к воде". С одной стороны, данная цитата наводит на мысль, что не только у человека, но и у природы отнята душа, индивидуальность: вместо "Ангары" - "вода", вместо "леса" - "земли сырье". С другой стороны, вода - порождающая и очищающая стихия. Особенно справедливо это в отношении жителей поселка, буквально вышедших из воды, переселившихся с затопленного острова. В свете этого символический смысл приобретают также слова: "Спасаясь от воды, кто думает об огне". Вода и огонь - стихии противоположные (хотя, может быть, именно в силу этого и сходные ^{x)}): порождающая и уничтожающая, первая и последняя. "Спасаясь от воды", т.е. отрываясь от своих истоков, человек забывает, что лишь в них он может черпать силу для сопротивления духовной гибели. И вот в момент катастрофы оказывается, что предполагаемая связь с прошлым, с традицией отсутствует: водокачка не работает. А с помощью ведер (т.е., дискретного и вынужденного обращения к прошлому) пожар затушить невозможно. Склады обречены на уничтожение. Остается только пытаться вырвать из огня хоть часть "теваров" (Ср. 1 Кор. 3,14-15).

Интересно, что, уступив огню склады, люди сумели отстоять новенький, свежевыкрашенный магазин: лицо - "зеркало души", на самом деле, ее сути отнюдь не отражавшее, ибо лучшие товары в магазин не поступали.

Кто же расхищал их? Кто, вообще, повинен в разразившейся катастрофе? На поверхностный взгляд может показаться, что - "архаровцы", в которых явно заметно что-то бесовское. Но, присмотревшись внимательней, начинаешь понимать, что если они и бесы, то чрезвычайно мелкие - бесенята. К тому же, большинство из них, может быть, не вполне бескорыстно,

^{x)} По крайней мере, в своей очистительной функции.

но самоотверженно тушит пожар. Как замечает о них Иван Петрович: "... при большой общей беде архаровцы могли показать себя людьми - не совсем же пропавшее это племя". За происходящим стоят другие, подлинные "мочадья аца", которые были заинтересованы в возникновении пожара, а, может быть, даже и причастны к нему. В тексте содержится прямое указание на то, что возник пожар в результате чьего-то сознательного вмешательства: "И построено было так, и занялось в таком месте, чтобы, загоревшись, сгореть без остатка..." И далее: "... что касается угла, где загорелось, здесь кто-то или уж, верно, злой случай, если не кто-то, умен был умом далеко не задним". За этими фразами вырастает какой-то зыбкий, колеблющийся образ в отблесках не только земного пламени. В ком же воплощается это демоническое начало? Конечно же, в тех, что годами почти открыто и безнаказанно расхищал содержимое складов.^{x)} И сейчас они не противостоят огню вместе с ограбленными ими людьми, а отсиживаются на очередном заседании. Пожар прямо выгоден для них, так как позволит окончательно централизовать склады, а значит еще более строго контролировать их, еще более беззастенчиво красть из них товары. Вот что думает главный герой, когда перед ним раскрывается внутренность складских помещений, наполненных маслом, красной рыбой и т.п.: "Было, значит, все-таки было! - и куда все это уходило?... а машины из райцентра, оттуда, отсюда, каждый божий день подворачивающие к орсу... /.../ Сколько же на свете неробей и причандалов! И как получилось, что сдирались мы на их милость, как получилось?" Это уж, конечно, относится не только к товарам на складе. Да и "неробь" и "причандал" - имена, пригодные, пожалуй, лишь для нелюди. Когда люди, обкраденные бесами, сбитые ими с толку, уже теряют способность разбираться в иромско-дящем, все реалии мира начинают свидетельствовать о поруганной истине: "...все чудилось ему, что это стены, земля, небо и берега звучат человечьими словами - чтобы понятно было людям". Сам поселок - реальный, кричащий символ того,

^{x)} Ни с этой ли целью когда-то раздули они пожар оратоубийственной ссоры?

во что превращена жизнь людей, их земля, их дом^{х)} "при-
чандалами и неробиями": "Неуютный и неопрятный, и не город-
ского и не деревенского, а бивуачного типа был этот поселе-
лок, словно кочевали с места на место, остановились пере-
идать непогоду и отдохнуть, да так и застрили". Здесь тоже
ощущается действие какого-то злещего, лживого начала.
Мир минимостей - царство лукавого: "... "пожарку", единствен-
ную на весь леспромхоз, еще года два назад разнесли на-
запчасти, она только числится на вооружении..." И как одно
из главных бесовских наваждений выступает в повести всемо-
гущий производственный план: "План, говоришь? План?! Да
лучше б мы без него жили!... Лучше б мы другой план завели-
не на одни только кубометры, а и на души! Чтоб учитывалось,
сколько душ потеряно, к черту-дьяволу перешло, и сколько
осталось!... План..." Недосказанное героям можно реконструи-
ровать, примерно, в том смысле, что у "челта-дьявола"
приход душ-учитывается в строгом соответствии с планом. В
конце концов, и сам Иван Петрович запутывается в сетях сата-
нинской демагогии: "Стало быть, и хорошо - не хорошо. Быть
стало, и не хорошо - хорошо; поневоле зарапортуюсь, за-
блудившись в двух словах." Так, постоянно переходя, перете-
кая друг в друга, внутреннее находится в отношении со-про-
тивопоставления внешнему.

Когда же настежь распахиваются перед нами двери, ве-
дущие во внутренний мир героя, мы видим его объятым столь
же сильным пламенем, как и тот, что бушует вокруг него.
Человек ослеплен им, дезориентирован, оторван от самого се-
бя: "И нет ничего ирреального, как заблудиться в себе. Чувстви-
тельный человек это знает. Он смотрит на себя... как могу-
щественный и безвольный вседержитель доставшегося ему чу-
дом от природы огромного и непонятного царства, требующе-
го какой-то особой власти". Это почти "категорический им-
ператив" - доказательство бытия Божия из духовной потреб-
ности человека. И далее - безупречное с догматической точки

х). Распутин пишет о том, что три дома нужны человеку: в се-
бе, в избе, на родной земле (спить триада).

зрения – рассуждение о душе и о Боге как подлинном ее Владыке: "...ты смертен, а они /владения твоей души – Е.П./ нет, – они были в тебе по велению какой-то неясной неизвестной силы, которую ты так и не смог соединить в образ. И это она, а не ты, была их-властилином, а ты был-лишь временной их-обителью, слабой оболочкой всего того, что они вместе собой представляли и откуда искали они согласия и соединения с миром". А без познания этой силы, без единения с Богом человек не может стать собой: "А-это-значит, что ты был-не собой. Кем угодно ты-был, но только не собой, и не с тобой, а лишь с именем твоим станут прощаться, возвращая тебя обратно."^{x)} Но в "Пожаре" перед нами – не просто христианская апологетика, представленная, например, в "Прощании с Матерой" в образе главной героини Дарьи. Здесь мы находим глубокие антропологические размышления, вызывающие в памяти богословские построения Ап. Павла: "И получается, что жить по совести и правде еще не означает жить в согласии с душой". Это и дальнейшее рассуждение явно вызывает ассоциацию с учением о "законе и благодати": "Они не правы, и он, говорящий, что они-не правы, держащийся правды как залога /разрядка мои – Е.П./, и он не прав". Вспомним, что говорит Ап. Павел о "правде закона" и "правде Божией": "...делами закона не оправдается перед Ним никакая плоть; ибо законом познается грех. Но ныне, независимо от закона, явилась правда Божия, о которой свидетельствуют закон и пророки..." (Рим.3.20-21).

А-вот еще – об относительности праведности человеческой и о том, что является высшим мерилом дел людских и последним прибежищем человеческой души: Или совесть и правда... Не самостоятельны и склоняются перед чем-то более важным? Перед чем? Перед душой?" А что если "...и правда не правда, и совесть не совесть, а только кричащая и страдающая душа /разрядка мои – Е.П./? И как быть ей, если совесть и правда окособочены по ее милости? В чем найти ей поддержку?" Значит, не только правда и совесть,

^{x)} Из земли взят, в землю и пойдешь.

но и душа — не высшее, не последнее. Есть "что-то более важное", чего она ищет и в чьей поддержке нуждается. Ну как не вспомнить тут сюда Ап.Павла: "Бедный человек!.. Кто избавит меня от этого тела смерти? Благодарю Бога /моего/ Иисусом Христом, Господом нашим" (Рим.7.24-25). Эти параллели ясно показывают, насколько истинное христианское богословие истинно человечно (точнее, богочеловечно), насколько кажущиеся, - подчас, отвлеченными теологические построения (скажем, о "законе и благодати") соответствуют самым естественным и глубинным движениям "чувствительной" души. Именно спонтанное, живое стремление человека к единению с неведомым Христом — главная, скрепленная тема повести. И особенно сильно и убедительно звучит она потому, что Христос ни разу в "Пожаре" не упоминается, и в нем даже нет ни одного сознательно религиозного персонажа. --

Тяжело созерцать страдания и слезы, причиняемые "чувствительному человеку" неправдой, но иногда гораздо страшнее видеть то, что этих слез уже нет. Так навсегда высохли слезы на глазах "духа егорьевского" (название деревни, из которой герой переселился после затопления: Егорьевка), дяди Миши Хампо. Высохли потому, что сильноторжествующего зла превозмогли даже силу человеческого горя. Он символизирует задавленную, лишнюю возможность самовыражения, загнанную в безобразную оболочку душу народа. В нем постоянно тужится, бьется, но не может высказаться, прорваться наружу поруганная совесть и правда. Кто может представить себе, что творилось на душе дяди Миши, какой крик споткнулся о его кесноязычное и тосклившее: "Хампо, хампо..."? Этот "сторож-самостав" бережет от расхищения не только материальное добро. Недаром, в дарении древние времена на Руси ложь, любой бесчестный поступок называли "воровством". Чтобы убедиться в этом, достаточно заглянуть в словарь В.Даля: "Воровство — стар. обман, плутовство, мошенничество, бездельничество, подлог. Воровать — стар. мошенничать, плутовать, обманывать" и т.п. Всякая ложь раскрывает душу свою и чужую. И дядя Хампо оказывается в тра-

гической роли не только беспомощного свидетеля расхищения содерянного складов, но и - сокровищ национального духа. Не случайно, после его смерти автор говорит о нем как об отмучившемся горемыке. Он погибает, убив в схватке "дух сосновский" (название нового поселка), в каком-то смысле, не меньшего горемыку -- Соню, лишившегося даже своего, природой ему определенного мужского имени. Такая полная потеря личности, вплоть до лишения признаков пола, показывает, что перед нами тоже жертва "воровства", достойная скорее сострадания, чем осуждения. Эта совместная гибель персонажей, символизирующих собой полярные проявления загубленной народной души, может даже дать какую-то надежду на ее возрождение. Не случайно, "пейзаж после битвы" выглядит почти умиротворяюще: "Под огромным новым брезентом так и лежало посреди двора с пасенице /разрядка мой-Е.П./ орсовское добро. И под брезентом же лежали до сей поры не разлученные дядя Миша Хампо и Соня...". Все ждут, "что будет дальше". Должны приехать начальство, милиция, следователь. Но за всем этим ощущается что-то, внушающее уверенность, что существует суд более милосердный, чем суд человеческий.

Особенно ясно это чувствуется при чтении последней главки повести, в которой описывается завершение мытарств главного героя. Слова Афона Бронникова "будем жить" (так же, может быть, отчасти навеянные финальной сценой пожара) прозвучали уже не для Ивана Петровича, а если и к нему относились они, то лишь в смысле той "новой" жизни, которая грезилась ему в начале повести. В этом заключительном отрывке герой уже вышел за пределы земного времени и пространства: "Иван Петрович все шел и шел, уходя из поселка, и как казалось ему, из себя, все дальше и дальше вдаваясь вступая в обретенное одиночество." Он уже как будто из другого измерения видит эту старую агонизирующую землю и все более удаляется от нее, подхваченный обневляющим дыханием весны. Весна здесь, конечно, не просто одно из беспрестанно сменяющих друг друга времен года. Она - подлинно новая, несущая в себе не природный, а пас-

х а ль н и й смыл. Именно под ее дыханием может воскреснуть мертвая земля: "Весна отыскала эту землю - и просыпалась земля". Земля - погост - не хоронит, а лишь, как-то во чреве, "вынашивает правых и выловятых, своих и чужих" до тех пор, пока они не будут. "Вынесены" весной, и лишь-тогда станет ясно, "что из кого выйдет". Сам-Иван Петрович стал уже соприроден-этой "вывающей" (возносящей, воскрешающей) силе: "Пахло смолью, - и с нечеловеком/разрядка мои - Е.П./ в-нем чуял этот запах, а что-то иное, что-то слившееся воедино со смоляным духом". Именно единение с этим "духом весны"^{x)} дает внутреннее раскрепощение, чувство обретенной истинности: "...легко, освобожденно и ровно шагалось ему, будто случайно отыскал он шаг свой и вздох, будто вынесло его, наконец, на верную дорогу". Мы чувствуем, что дорога эта почти-незаметно, но безвозвратно отделяется от всех земных дорог. "Издали - далеко видел он себя ^{xx)}: идет по весенней земле маленький заблудившийся человек, отчаявшийся найти свой дом, и вот зайдет он сейчас за перелесок и скроется навсегда". Человек, у которого отняли дом "на земле", отправляется на поиски "небесного жилища" (2 Кор. 5.2). Этот отрывок вызывает ассоциацию со словами Екклесиаста: "отходит человек в вечный дом свой" (Еккл. 12.5). И мы уже почти угадываем, что именно открывается "за перелеском" однокому путнику.

^{x)} Смола, - котати, основной компонент состава ладана, каждение которым символизирует присутствие Духа Божия.

^{xx)} Так видеть себя, - как мы знаем, доводилось лишь тем, кто сумел заглянуть за "край" жизни.

"Молчит, не то встречая, не то провожая его земля.
Молчит земля.

Что ты есть, молчаливая наша земля, доколе молчишь
ты? И разве молчишь ты?"

Этими словами заканчивается повесть. Как известно, именно на последние слова в произведении падает максимальная смысловая нагрузка. Именно важность этих слов как для повести, так и для творчества и мировоззрения Распутина в целом, заставляет меня рассмотреть их особенно подробно. Концепция земли, почвы, как известно, вообще очень существенна для русской мысли и русской литературы. Наибольшее развитие она получила у славянофилов. Впоследствии забытая и поруганная, она отчасти возродилась в книге А.И. Книжникова в творчестве т.н. "деревенщиков" и современных русофильских теориях. Но возродилась в крайне извращенных и редуцированных формах. У славянофилов понятие "земля", также как и понятие "община", отнюдь не имело самодостаточного, изолированного, агрессивно-националистического смысла. Значение его было прежде всего религиозным. Земля, народ, община имеют ценность не сами по себе, а в силу их "христиносности", в силу избрания их Богом в качестве хранителей истинной веры: православия^{X)}. "Богомицчество" — не привилегия, а призвание к ответственности. Отсюда и "Святая Русь" — не незаменимый почетный титул, а лишь свидетельство о потенции, возможности освящения, которое может явиться только результатом свободного волеизъявления. Святой Русь может стать только, приняв дар святости и ответственность богомицества. Именно об этом пишет в стихотворении "К России" основатель славянофильства А.С.Хомяков:

"О недостойная избранья,
Ты избрана. Скорей омой
Себя водою-покаянья,
Да гром двойного наказанья
Не грянет над твоей главой!"

X). В мою задачу в данном случае не входит разбирать, насколько правомерны данные посылки.

В силу этого очень странно выглядят (особенно сейчас, когда уже "гром-грянул") попытки под видом возрождения славянофильства отстаивать какую-то априорную "святость" и "богоизбранный" характер России. Концепция эта не имеет никакого отношения ни к славянофильству, ни к христианству. Она коренится в племенных языческих культурах. Понимая в этом смысле "Святая Русь" есть на самом деле Русь священная. Святость эта не христианского, а языческого характера, - восходящая к языческим верованиям о возможности локального освящения какой-либо земли или нации. Еще более странной выглядит "славянофильская" концепция, вообще игнорирующая религиозный момент. Самы славянофилы мысли о освящение русской земли только через христианскую веру и Православную церковь: "Чем святилась бы земля, - писал Хомяков, - если бы Церковь утратила свою святость?" "Святая Русь" без Бога это-консэнс, могущий привести лишь к оголтелому, звериному, воистину бесовскому национализму. А ведь что-то подобное то и дело звучит со страниц нашей периодической, да и не только периодической печати.

И одно из очень немногих счастливых исключений в этом ряду представляет собою творчество В.Распутина. Он является подлинным преемником и интерпретатором классического славянофильства. Только, как писатель, он дает к этой цели не философским или публицистическим, а художественным путем. Теперь вновь обратимся к заключительным фразам повести "Пожар" и посмотрим, какой смысл в них обретает понятие "земля". Она имеет, конечно, значение не только той материальной субстанции, которая принимает в себя покойников и превращает из себя деревья и травы. Иначе о ней не было бы оказано, что она молчит. Ибо молчание предполагает потенциальную способность говорить. Земля в повести представляет собой некое подобие личности, целокупность всех земных связей и отношений, то, что в религиозном сознании обычно мыслится как "мир земной". О ней говорится, что она "не то встречает, не то провожает" героя. Очевидно, что в земном мире нет ничего кроме земли, и провожать она может лишь на то, что отлично от нее. А таковым может быть только небо. То есть, возникает структурная пара, каждый

член которой не может существовать без другого. Характерно, что как нет в повести осознанию верующих людей, так нет (или почти-нет) в ней иррационального побуждения. Но вытесненное из горизонта героев небо-тём более настойчиво вторгается в горизонт читательского восприятия. Причём, чем более емким и содержательным становится понятие "земля", тем большую наполненность приобретает понятие "небо". Последнее, в свою очередь, обнаруживает в земле ее летний смысл и даже наделяет ее чертами личностной одухотворенности. То есть, каждый из членов этой пары является живым свидетельством о другом. Так что, очень о многом говорит нам "молчание земли", так же как молчание дяди Миши Хампо-или молчание самого автора, ни разу на всем протяжении повести не упомянувшего имени Божьего. И в самом деде, что может быть красноречивее этого молчания поруганной земли, Кричащего нам о небе?

